

ОСОБЕННОСТИ ПУБЛИЦИСТИКИ А. И. КУПРИНА ХЕЛЬСИНКСКОГО ПЕРИОДА ЭМИГРАЦИИ (1919–1920)

С. Н. Гладышева

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 24 сентября 2014 г.

Аннотация: *статья посвящена анализу публицистических произведений А. И. Куприна, созданных в хельсинкский период эмиграции. Особое внимание уделяется размышлениям публициста о судьбе России, о русском национальном характере, о традициях родной культуры.*

Ключевые слова: *А. И. Куприн, первая волна российской эмиграции, публицистика русского зарубежья.*

Abstract: *the article is dedicated to the analysis of the publicistic works by A. I. Kuprin created in Helsinki emigration. Special attention is paid to the author's speculations on the destiny of Russia, the Russian national character and the traditions of the native culture.*

Key words: *A. I. Kuprin, the first wave of Russian emigration, Russian emigre public writing.*

Александр Иванович Куприн – одна из знаковых фигур русского зарубежья, возникшего в результате масштабной эмиграции из России после событий Октябрьской революции 1917 г. и Гражданской войны. Не принявший новую власть, хотя и пытавшийся поначалу с ней сотрудничать (участвовал в деятельности организованного М. Горьким издательства «Всемирная литература», обсуждал с В. И. Лениным проект выпуска газеты для крестьян, который так и не был осуществлен), он оставил родину с отступающими частями Белой армии. Его антибольшевизм был осознанным выбором, позже в статье «Не по месту», написанной в 1926 году, он утверждал: «Брестский мир укрепил меня в том железном мнении, что война с большевиками есть логическое продолжение войны с немцами <...>. В этом смысле я сам перед своей совестью принял присягу, которой не изменю до конца дней своих, ни ради лести, ни корысти, ни благ земных, ни родства, ни соблазна умереть на родине» [1]. Его путь в эмиграцию пролегал через Ревель, Хельсинки, Лондон, Париж.

Короткий период пребывания Александра Ивановича Куприна в Финляндии (ноябрь 1919 – июнь 1920 гг.) оказался чрезвычайно плодотворным в творческом плане. Он, как и многие русские писатели в эмиграции, активно занимался публицистической деятельностью, сменив, по меткому выражению Саши Черного, «кисть художника на шпагу публициста» [2, 353]. Газетная работа стала важнейшей гражданской и творческой потребностью Куприна еще в дни февральской революции, когда он вместе с П. М. Пильским редактировал эсеровскую газету «Свободная Россия», печатал статьи на политиче-

ские темы в газете «Вольность», издававшейся А. В. Амфитеатовым, в «Петроградском листке». В 1919 г. он редактировал штабную газету «Приневский край» генерала Н. Н. Юденича, главнокомандующего Северо-Западной армией.

Внутреннюю тягу к газетной работе в эмиграции А. И. Куприн хорошо объяснил в статье «Там», написанной в ноябре 1919 года: «<...> Я ежедневно вижу с десятками людей <...>. И каждый из них <...> говорит одинаково: «Неприменно надо, чтобы хоть какой-нибудь писатель, живший под безумным игом большевизма, описал ярко и беспристрастно все его кровавые гнусности, описал с холодной точностью летописца, с фактами, именами и цифрами в руках <...>» [3, 27].

Основной трибуной Куприна в Хельсинки стала ведущая газета русской эмиграции в Финляндии «Новая русская жизнь» под редакцией Ю. А. Григоркова. Программа этого издания, опубликованная в первом номере (1919), полностью соответствовала антибольшевистской позиции писателя: «Мы боремся за воссоздание великой и сильной России и за уничтожение главного ее врага, большевизма, с которым, по нашему глубокому убеждению, невозможны никакие, хотя бы и временные соглашения» [3, 8]. На страницах «Новой русской жизни» писатель опубликовал около 100 статей, очерков, фельетонов; иногда его тексты перепечатывали газеты, выходившие в других центрах рассеяния – «Общее дело» (Париж) и «Сегодня» (Рига).

Публицистическая деятельность Куприна активно продолжалась впоследствии в Париже, в котором он прожил 17 лет. Но и на основании написанного им в Хельсинки можно определить его политическую и идеологическую позицию, основные темы его публицистических выступлений в эмиграции.

Публицистика А. И. Куприна хельсинского периода – это непосредственный отклик на происходившее на родине, протест против Советской власти, против кошмаров советской действительности, «перед которыми бледнеют сумасшедший дом, каторга, тифозный бред и сама преисподняя» [3, 232]. Куприн жестко оценивал новую власть в России, большевики для него шайка «заведомых убийц, сутенеров и мошенников, самозвано именующих себя русским правительством» [3, 120]. В статье «Египетская работа» он утверждал, что «большевики вывернули наизнанку все устоявшиеся человеческие понятия и нормы. Рассчитали Бога, собственность и родину» [3, 127]. Происходящее в России представлялось ему в виде «мутно-грязного, кровавого девятого вала» [3, 100].

В своих публикациях он четко сформулировал взгляды на Октябрьскую революцию, на жизнь в Советской России и на роль эмиграции в политической борьбе. Прежде всего он пытался ответить на вопрос, волновавший всех эмигрантов: «Как объяснить Октябрьскую революцию?». По мнению Куприна, это «нелепый и гибельный эксперимент» [3, 188]. Публицист считал, что к 1917 году Россия была ослаблена мировой войной, ее социальный организм был физически и психически болен. В своих статьях и очерках он показывал, что армия разложилась изнутри, поскольку Февральская революция настроила солдат против офицеров. «Позорный» Брестский мир привел, по мнению публициста, к тому, что «из-под ног последнего храброго и честного солдата они (большевики – С. Г.) вырвали единственную прочную доску – представление о Родине, оплевав, осмеяв, растоптав это имя» [3, 41]. Подлейший лозунг «грабь награбленное» уничтожил в одичавших на войне солдатах «последние остатки справедливости, долга, чести стыда» [3, 41]. То, что «зовут в Европе великой, бескровной русской революцией» [3, 164], для Куприна – бессмысленная, кровавая бойня.

Он считал, что русский национальный характер сам по себе отчасти явился благоприятной почвой для большевизма. В статье «Голос друга» он отмечал, что «рабство, возведенное в государственную систему, <...> послужило, как лучший навоз, для того, чтобы на русской земле так буйно расцвел ядовитый дурман большевизма» [3, 89].

Подобная мысль развивалась Куприным и в статье «Капитаны Тушины», в которой он утверждал, что один из второстепенных героев романа Л. Н. Толстого «Война и мир» является самым верным типом русского героя, концентрируя в себе положительные черты национального характера: «Тут и простота, и мечтательность, и врожденный стыд перед громкой фразой или красивым жестом, и полнейшая неспособность к оценке собственного подвига» [3, 149]. Куприн отмечал в герое толстовского романа и отрицательные стороны русского нацио-

нального характера: «смирение, робость, рабская покорность – проклятая школа коронованных и некоронованных Держиморд – уродливая школа, породившая, в силу исторического закона противодействия, другое уродство – русский большевизм» [3, 149].

Одну из причин русской трагедии Куприн видел в отсутствии исторической памяти, забвении традиций на родине. В статье «Нация» он с горечью замечал: «Плевали мы на свое историческое прошлое, на светлую память своих праведников, на своего кормильца – великий русский народ, на свое национальное достоинство, стыдясь и высмеивая его» [3, 127].

Публицист также пытался понять, кто такие большевики и почему они победили. Он считал, что они смогли остаться у власти, благодаря, с одной стороны, апатии и усталости большинства населения, а с другой – своему намеренному обращению к таким низменным инстинктам, слабостям и порокам людей, как властолюбие, жестокость, лень и зависть. Куприн показывал, что это было обращение не к сердцу, а к брюху человека. Поэтому, по его мнению, Октябрьская революция явилась шагом назад в развитии человечества

Следует отметить, что публицист мало внимания уделял вождям большевистской партии. Ленин в его статьях упоминался как собирательное лицо, олицетворяющее все негативные приметы новой власти в России. Исключение составлял Троцкий, которому посвящен отдельный очерк Куприна («Троцкий: Характеристика»). По мнению публициста, лишь слепой случай способствовал возвышению героя, который при других обстоятельствах остался бы рядовым человеком, «прошел бы свое земное поприще незаметной, но, конечно, очень неприятной для окружающих тенью: был бы он придиричивым и грубым фармацевтом в захолустной аптеке, вечной причиной раздоров, всегда воспаленной язвой в политической партии, прескверным семьянином, учитывающим в копейках жену» [3, 100]. Куприн считал, что Троцкий «не умен в обширном и глубоком смысле. Но ум у него цепкий, хваткий, находчивый, легко усваивающий, фаршированный пестрыми знаниями» [3, 104]. Публицист утверждал, что «он не творец, а насильственный организатор организаторов. У него нет гения, но есть воля, посыл, постоянная пружинистость» [3, 104].

Влияние Троцкого в Советской России Куприн объяснял тем, что, с одной стороны, «вся страна находится в руках людей, из которых малая часть искренно смешала власть с произволом, твердость с жестокостью, революционный долг с истязательством и расстрелами» [3, 102], с другой – «темная толпа нашла неограниченный простор для удовлетворения своих звериных необузданных инстинктов» [3, 102]. Поэтому Троцкий выступал как «герой

и властелин их воображения, полубог, мрачный и кровавый идол, требующий жертв и поклонения» [3, 102]. Именно в Троцком Куприн видел опасного претендента на пост диктатора страны.

Заметно, что Куприн-публицист крайне редко обращался к разговору о марксизме-ленинизме. Он не считал русский большевизм ни учением, ни партией. Для него «это только метод, только способ действия, только средства, давно потерявшие связь с целью, которая должна была их оправдывать» [3, 40]. Куприн показывал страшные методы новой власти в России – ложь, цензура, ночные обыски, убийства. По его мнению, институт жандармов большевики заменили чрезвычайкой, эксплуатацию человека человеком превратили в принудительный труд, а царское самодержавие – в диктатуру большевистской партии.

В публикациях Куприна хельсинского периода заметен интерес к советской печати, он часто цитировал газеты новой власти, мастерски читал их между строк. По его мнению, «большевики задушили насмерть печатное слово» [3, 28], «свободной и хоть сколько-нибудь беспристрастной прессы не существовало» на родине [3, 38], «красные газеты составляются с единственной целью – втирать очки Европе» [3, 205]. Советскую прессу он считал грубой и лживой, отмечал бедность политического языка большевиков: «тридцать-сорок фраз, в различных соединениях и перемещениях» [3, 37].

Вызывало тревогу Куприна и состояние литературы на родине. В своих статьях он проводил параллель между пролетарскими литераторами и барскими крепостными стихотворцами XVIII века. Куприн считал, что через полтора столетия «поэт-холоп воскрес в поэте-холоуе» [3, 106]. Публицист не приемлет «новаторства» большевистских литераторов, по его мнению, «не стихами, а какой-то говяжьей рубленой прозой воспевают пролетарские поэты величие коммунистических субботников, подвиги чрезвычайка, необходимость расстрелов и пыток, и в поте лица придумывают акrostихи к фамилиям – Ленин, Зиновьев и Троцкий» [3, 107]. Для него наивысшую ценность представляет творческое наследие тех писателей, которых на родине теперь именуют буржуазными. Для него это «старое, прекрасное, истинное творчество, в котором было почти единое оправдание России перед миром» [3, 108].

Представляет интерес оценка Куприным футуризма, который, по его мнению, возник на почве русского нигилизма и поэтому родственен большевизму. Публицист не приветствует русский футуризм, характеризует его как «неспособного к жизни уродца, годного лишь для музейной банки со спиртом, а пока прозябающего в кювете для недоносков» [3, 187]. Куприн считает, что «футуризм можно понять и оправдать на Западе, где язык кристаллизовался в твердые, определенные формы, где жизнь

отливается в готовые шаблоны. Там футуризм ищет простора, пробует пробить новые пути» [3, 187]. В России же футуризм, по его мнению, исчерпывался символической ситуацией, в которой присутствуют отрицание ради отрицания и эпатаж:

«– Весь ваш Пушкин и вся старая рухлядь не стоит моего изношенного сапога! – кричит с эстрады молодой человек, у которого вся правая сторона клоунского костюма желтая, а левая голубая, лицо же раскрашено зелеными звездами и красными полумесяцами» [3, 186–187].

Нельзя не заметить влияние политической составляющей на отношение Куприна к футуризму; неприятие публицистом большевизма в определенной степени проецировалось на оценку произведений, создаваемых при новой власти на родине. Отсюда такое заостренное изображение футуристов, низведение их творческих поисков до бытового, приземленного уровня. Попытка напрямую связать русский футуризм с большевистской идеологией заметна и в более поздних публицистических выступлениях писателя. В статье «Шуты гороховые», опубликованной в «Русской газете в Париже» в 1924 г., он утверждал, что «футуристы бессознательно были вещами птицами большевизма» [1].

Как и большинство публицистов русского зарубежья, А. И. Куприн активно обсуждал пути избавления родины от большевизма, предлагая читателям разные варианты. Во-первых, он был уверен, что «большевизм будет иметь жизненную силу до тех пор, пока с ним будут воевать» [3, 23]. По его мнению, в мирное время конфликт между большевиками и населением страны должен обостриться. Основаниями для подобного утверждения были сведения из России о многочисленных протестах против принудительного труда, дезертирстве в армии и мятежах в деревне.

Особые надежды Куприн возлагал на крестьян, основу жизни которых составляет частная собственность, поэтому, по мысли публициста, они должны оказать решительное сопротивление новой власти. Рассуждая о русском мужике, он приходит к выводу, что «никакие ухищрения и насилия не могли привить к нему коммунистического яда» [3, 33]. В своих публикациях на страницах «Новой русской жизни» Куприн показывал, как сельское население «воет в лапах холодного кровесосного спрута, называемого советской властью» [3, 211]. «Деревни никогда не забудут карательных отрядов, и об мужика-собственника неизменно расшибают лоб вожди научного социализма и будут расшибать до самой своей смерти», – пророчески заявлял публицист [3, 33].

Куприн также подчеркивал особое значение в борьбе с большевиками другой внутренней силы – религии. Публицист показывал, что у русских людей на родине растет религиозное сознание, которое станет одним из решающих факторов в пора-

жении новой власти. Массовый, стихийный, неуклонный подъем религиозности Куприн рассматривал как «бессознательный и естественный протест против насильственной большевистской попытки вырвать одним размахом из народной жизни церковь, пустившую в ней тысячелетние корни» [3, 159]. Он с негодованием пишет о государственном атеизме в России, об отношении большевиков к церкви: «Храмы, обращенные в кинематографы, алтари – в отхожие места, престолы – в шутовские эстрады. Иконы – поруганные и обворованные, ризницы разграбленные» [3, 169].

Куприн восхищался сопротивлением православной церкви, подчеркивал, что русское духовенство «смирненно, просто и бескорыстно совершает свое высокое служение церкви и народу» [3, 170]. Для него это было признаком того, что и народ близок к «невиданному духовному обновлению» [3, 170].

В деле освобождения России от большевистской диктатуры Куприн особые надежды возлагал на Белую армию. В оценке ее миссии, духовно-нравственного потенциала он близок позиции И. С. Шмелева, который в Белой армии видел душу родины, считал, что Белое движение «есть удержание России на гиблом срыве, явление бессмертной души Ее, – ценнейшего, чего отдавать нельзя, национальной чести, высоких целей, назначенных Ей в удел, избранности, быть может, – национального сознания» [4, 392].

Само существование Белой армии было для Куприна признаком здоровья русского народа; он рассматривал ее как серьезную моральную силу, которую нужно было сохранить в боевом состоянии. Особое внимание он уделял Северо-Западной армии, штабную газету которой редактировал в 1919 г. Позже в повести «Купол Св. Исаакия Далматского» (1928) Куприн напишет: «Я пламенный бард Северо-Западной армии. Я никогда не устану удивляться ее героизму и воспевать его» [5].

Белые вожди для Куприна – герои, патриоты России, чьими подвигами он готов восхищаться. В статье «Неизвестный солдат» он утверждал, что «от Корнилова и Алексеева, через Колчака к Врангелю передается неугасимое жаркое пламя чистой любви к ней (родине – С. Г.) и бесхитростной веры в нее» [3, 249]. В очерке «Кровавые лавры» Колчак представлен как «лучший сын России» [3, 155], человек великой души, сильной воли и обаяния, моряк душой и телом, свято любящий родину и погибший за нее.

Мечтая спасти Россию от большевистского засилья, Куприн также надеялся на помощь извне. Он был уверен, что «<...> Россия, по воле судьбы, отвела от Европы грозу большевизма, приняв ее на себя» [3, 32]. Куприн, как и Л. Андреев, И. Бунин, Д. Мережковский, З. Гиппиус и другие публицисты русского зарубежья, выражал горечь, негодование

по поводу недалекости Европы и Америки, которые не хотели понять, что большевизм – это страшная опасность для всех. В статье «Победители» он иронизирует: «А дальновидные люди Европы еще надеются, что большевизм иссякнет, выдохнется, предоставленный самому себе, и что от заразы большевизма их государства, вероятно, застрахованы...» [3, 83]. Куприн с горечью замечает, что западный мир готов идти на компромиссы с советской властью, установить торговые отношения и в конце концов заключить мир. Для Куприна это демонстрация равнодушия к судьбе русского народа, национального эгоизма, политической близорукости. По поводу отношения Англии к Советской России он замечает: «<...> мир с большевиками является самой жалкой и вредной выдумкой, которую могла подсказать только крайняя растерянность или честолюбивая искательная игра на популярность среди рабочих масс <...>» [3, 146].

Представляет интерес оценка Куприным русского зарубежья. Он далек от идеализации русской послеоктябрьской эмиграции. В статье «Ребус» он пытался дать объективную оценку ее потенциалу, утверждая, что от него «не скрыты ее темные стороны». Куприн с сожалением писал о разногласиях в эмигрантской среде, о том, что «партийные раздоры разбили ее на множество групп, усилия которых, направленные в разные стороны, не дают равнодействующей, несмотря на то, что цель усилий для всех одна – свержение большевиков» [3, 265]. Заметна переключка положений этой статьи Куприна с «Дневником политика» П.Б. Струве, в котором редактор парижской газеты «Возрождение» призывал эмигрантов объединить усилия в деле спасения родины и активно готовил Всероссийский съезд эмигрантов.

Однако Куприн считал, что «по смыслу своего бытия она (эмиграция – С. Г.) представляет собою отрицание самого отрицательного, самого безмерно злого явления мировой истории – воинствующего русского коммунизма» [3, 265]. Именно поэтому для него русское рассеяние рисуется «не отрицательным, а положительным явлением» [3, 265].

При этом публицист не устает верить «в одно чаемое чудо, которое вдруг проявит умы русских эмигрантов и соединит их силы в одном стремлении. Чудо не особенно таинственное, даже весьма простое – любовь к Родине» [3, 265].

Главная мысль творчества Куприна-художника и публициста в хельсинки период – мысль о судьбе России, о русском национальном характере, о духовно-нравственных традициях русской культуры, о духовном подвижничестве русского народа. В статьях, очерках А. И. Куприна, написанных в Финляндии, неизменно звучала вера в возрождение родины. Он утверждал, что «Россия не умрет. Она восстанет из пожара и разрушения, омытая слезами и кровью,

обновленная и сильная – та глубокая исконная, народная, христианская и крестьянская Россия, которая была всегда чужда завоевательной политике, которая так терпима к чужой нации и религии, так милостива к пленным, так ласкова к странникам, так неутомима в искании Бога и правды. Россия – столько раз доходившая до края бездны, скользившая, падавшая и вновь встававшая чудесными усилиями своей собирательной души» [3, 55].

Публицистический накал творчества Куприна не ослабевал и в Париже, где он редактировал журнал «Отечество», активно печатал очерки, статьи и фельетоны в «Общем деле», «Возрождении», «Русской газете в Париже», «Иллюстрированной России». В 1924 году Саша Черный, оценивая в юбилейной статье «Тридцать пять лет» литературную деятельность А. И. Куприна, особо отметил его публицистику: «Честь и слава Куприну, что чугунное ядро антибольшевистского публициста он не бросил на первом перекрестке (так ведь легко ему это было сделать!) и тащит его на себе до сего дня. Когда-нибудь это зачтется выше каллиграфически безупречных беллетристических страниц его братьев по перу» [2, 353].

Хельсинский период стал своеобразным фундаментом всей эмигрантской публицистики А. И. Ку-

прина, определившим ключевые темы и проблемы его статей и очерков. Трагедия России, связанная с войной, революцией, с утратой ею живительных духовных источников, которыми питалась она на всем протяжении своей истории, стала главной темой всей поздней купринской публицистики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Куприн А. И. Голос оттуда, 1919-1934 : Рассказы. Очерки. Воспоминания. Фельетоны. Статьи. Литературные некрологи. Заметки / А. И. Куприн / [сост., вступ. ст., прим. О. С. Фигурновой; ред. В. П. Кочетов]. – М. : Согласие, 1999. – 734 с. – Режим доступа: <http://ruslit.traumlibrary.net/book/kuprin-golos-ottuda/kuprin-golos-ottuda.html#work004013007> (дата обращения: 02.09.2014).
2. Саша Черный. Избранная проза / Саша Черный. – М. : Книга, 1991. – 432 с.
3. Куприн А. И. Мы, русские беженцы в Финляндии : Публицистика (1919-1921) / А. И. Куприн / [сост., вступ. ст. и коммент. Б. Хеллмана при участии Р. Дэвиса]. – СПб. : Журнал «Нева», 2001. – 431 с.
4. Шмелев И. С. Душа России / И. С. Шмелев // Собр. соч. : В 5 т. – Т. 7 (доп.). – М. : Русская книга, 1999. – 592 с.
5. Куприн А. Купол Св. Исаакя Далматского / А. Куприн. – Режим доступа: <http://www.dk1868.ru/history/Kuprin.htm> (дата обращения: 08.09.2014).

*Воронежский государственный университет
Гладышева С. Н., кандидат филологических наук, доцент
кафедры истории журналистики
E-mail: svetglad@mail.ru*

*Voronezh State University
Gladysheva S. N., Candidate of Philology, Associate Professor
of History of Journalism Department
E-mail: svetglad@mail.ru*